

«За тех, кто далёко...»

I

Эти заметки посвящены русскому эмигрантскому журналу, ныне уже не существующему. Зарубежье Третьей волны уходит в забвение. Кратковременный интерес, изумление, любопытство сменились равнодушием; сколько-нибудь серьезных работ, посвященных феномену эмиграции, на родине не появилось; не появится, надо полагать, и в ближайшие годы; об этих людях, может быть, вспомнят, когда они умрут и плоды их деятельности исчезнут. Так чаще всего и бывает в России.

Между тем политическая, культурная и литературная эмиграция 60—80-х годов была совершенно особым эпизодом истории СССР, в сущности, выпадающим из этой истории. Эмиграция, борьба за право покинуть страну имела своих героев и мучеников; эмиграция изменила психологию огромного множества людей, усвоивших этику принудительного патриотизма, считавших ее необходимой и даже естественной: казалось, что расстаться с этим государством невозможно, как невозможно забросить камень так высоко, чтобы он не упал назад. Государство, возглавляемое тайной полицией, прекрасно понимало, что самый факт бегства из страны неслышанно подрывает престиж советского строя; коронный тезис пропаганды о самой счастливой стране был дискредитирован. И эмиграция стала негласной сенсацией, тихим скандалом, на который пришлось реагировать двояко: «разоблачать» и замалчивать.

Но люди, самая память о которых была изгнана и выскоблена, люди, которых не только не стало, но которые как бы никогда и не существовали, — люди эти оставили на родине свою тень. Секретная и одновременно оболганная, количественно незначительная в сравнении с огромным населением страны эмиграция незаметно поставила под вопрос всю систему советских ценностей и заставила многих, не пожелавших поступиться своим достоинством, осознать, что речь идет о режиме, с которым, по выражению Альбера Камю, «либо сотрудничаешь, либо воюешь». В конце концов он предоставил им только два выхода: или в лагерь, или вон из страны. Итак, мы не ошибемся, если скажем, что эмиграция была едва ли не единственным в своем роде жестом коллективного протеста против режима всеобъемлющей лжи и узаконенного насилия.

Вместе с тем, помещенная в более широкий контекст, она, конечно, не была чем-то вполне уникальным. Преследование независимой мысли старо как мир. Эмиграция существует с тех пор, как существует цивилизация. Зарубежная литература существует с тех пор, как существуют рубежи. И русское литературное изгнание может поистине гордиться древностью своей участи. Последнюю ночь в Риме вспоминает, обливаясь слезами, сосланный на дальний берег Черного моря Овидий. О горь-

ком хлебе чужбины (lo pane altrui) говорит эмигрант XIV века Данте. Увы, это не значит, что на родине хлеб был сладок. Эмиграция не означала отказа от жизненного призвания, напротив, для многих она была единственной возможностью следовать своему призванию. Литература и публицистика беглецов имеет в нашем отечестве почтенную традицию, ее родоначальником можно считать Андрея Курбского. Но и в XX веке, когда выдворение из отечества, выселение из родных мест, насильственные миграции и депортации приняли неслыханные доселе формы и масштабы, Россия была отнюдь не единственной страной, которая выталкивала своих писателей за границу. Рядом с тремя послереволюционными русскими эмиграциями существовали эмиграции из нацистской Германии, из франкистской Испании, из восточноевропейских стран, если говорить только о нашем континенте. Нашими товарищами по общей судьбе были не только Бунин или Ходасевич, но и немцы братья Генрих и Томас Манн, Бертольт Брехт, Оскар Мария Граф, Фриц фон Унру, австриец Роберт Музиль, евреи Пауль Целан, Элиас Канетти, Альфред Дёблин, Герман Брох, Стефан Цвейг, Нелли Закс, Анна Зегерс, Артур Кёстлер, Лион Фейхтвангер, Курт Тухольский, Франц Верфель, Клаус Манн, испанец Хуан Гойтисоло, ирландец Джеймс Джойс, поляк Чеслав Милош, чех Милан Кундера и великое множество других.

Третью волну привычно сопоставляют с первой, но, пожалуй, у нее не меньше общего с немецкой эмиграцией тридцатых годов. Как и немецкая эмиграция, она была исходом из большой страны, затхлой, но одержимой геополитическими амбициями и националистическим безумием. Как и немецкая, она больше чем наполовину состояла из евреев. Обе эмиграции, независимо от личных устремлений ее участников, приобрели однозначный политический характер, обе бросили вызов тоталитарному монстру. Обе ощущали свое неисцелимое одиночество в мире.

Стихи Брехта об изгнании написаны как будто одним из нас. Сходство судеб, поразительная аналогия жизненных обстоятельств — при всем различии исторического, национального, культурного контекста — бросаются в глаза, когда читаешь многочисленные документы эмиграции из нацистской Германии: дневники, письма, статьи, воспоминания. И даже упреки, которыми после войны осыпали беглецов их оставшиеся дома коллеги, — упреки, не миновавшие и такого писателя, как Томас Манн, — похожи как две капли воды на то, что писали об эмигрантах послесоветские газеты.

Наконец, то, что постигло и немецкую, и любую другую эмиграцию, что заложено в самом определении эмиграции, стало участью и Третьей волны: поражение. Эту участь разделил выходивший в Мюнхене журнал «Страна и мир», о котором здесь пойдет речь.

II

Журнал был основан в начале 1984 года К. А. Любарским и автором этих строк. Третью редакторскую должность в первые годы поочередно занимали С. Максудов и В. Меникер, последнего в 1989 г. сменил Э. Финкельштейн. Эскиз обложки и некоторые элементы оформления принадлежали жившему в Вене художнику Борису Раби-

новичу. Много лет постоянным сотрудником, экономическим и политическим обозревателем журнала был Рафаил Бахтамов (Р. Шапиро), которого ныне — как и Любарского и Рабиновича — уже нет в живых.

Небольшой коллектив выполнял работу, с какой в бывшем Советском Союзе едва справлялся обоз в 15—20 человек. Журнал выходил вначале ежемесячно, на 96 страницах in quarto, а с 1987 г. один раз в два месяца, но в увеличенном объеме: от 160 до 190 стр. Набор и макет готовились в редакции, тираж (колебавшийся в пределах нескольких тысяч экземпляров, что соответствовало среднему тиражу русских зарубежных изданий того времени) печатался в немецкой типографии в городке Шробенхаузен под Мюнхеном.

Сейчас, когда публика в России получила некоторое представление о жизни на Западе, незачем объяснять, почему русская пресса за рубежом не является прибыльным делом. Чаще всего она попросту не может себя прокормить. Большинство периодических изданий Третьей волны получало помощь из Америки. Не был исключением и журнал «Страна и мир». Выручка от подписки не покрывала и двадцатой доли себестоимости — одни лишь типографские расходы на каждый номер составляли не менее 8 тыс. марок, — не говоря уже о том, что преобладающая часть тиража распространялась бесплатно. В качестве некоммерческого общественно полезного предприятия журнал был освобожден от уплаты налога и существовал на средства, выделенные Конгрессом США через посредство (скорее, формальное) Лондонского комитета поддержки русской свободной печати за рубежом. Финансовая зависимость, однако, никак не сказывалась на самостоятельности журнала.

Название, предложенное пишущим эти заметки, случайно совпавшее с заголовком известной работы А. Д. Сахарова, должно было более или менее отвечать содержанию и концепции журнала; его эмблема — синий круг с красным сегментом — выражала мысль, сформулированную на обложке первого номера: «Мы — часть мира; мир не существует без нас».

Едва ли кто-нибудь мог ожидать, что пройдет не так много времени, и темы эмигрантской публицистики будут вторично обыгрываться на родине, что книги, выпущенные «за бугром», будут заново напечатаны и восприняты как новинки, что идеи, проекты и заблуждения тех, кого внутри страны так охотно называли отщепенцами, не просто докатятся до России, но и выйдут там, так сказать, вторым изданием. Как ни трудно говорить об эмигрантской «общественности», она выработала и артикулировала практически все политические концепции, позднее получившие хождение в стране, от неомарксистской и социал-демократической до черносотенной и нацистской. Это касается, конечно, и политического жаргона, модных слов и жупелов: примером может служить морфологически малоудачное словцо «русофобия» (под которым подразумевали, очевидно, русофобство), в свое время пущенное в оборот самым знаменитым представителем отечественного Забугорья и подхваченное на родине.

К началу восьмидесятых годов политический спектр эмигрантской прессы, по крайней мере, в Европе, заметно сдвинулся вправо; журнал «Страна и мир», заявивший о своей либерально-демократической и прозападной ориентации, оказался в известном противостоянии тогдашнему националистическому «истэблишменту» и

был встречен в штыки. Он конституировался как «общественно-политический, экономический и культурно-философский», то есть не был, в отличие от большинства завоевавших популярность русских зарубежных журналов, беллетристическим. Зато в нем занимала значительное место эссеистика. Журнал уделил внимание и экономическим темам, что было новостью для русской прессы, презревшей, заодно с марксизмом, и всю экономику. Он отстранился, по крайней мере на первых порах, от мелочно-амбициозной полемики, так часто омрачавшей содружество изгнанников (и развлекавшей публику).

III

Программа журнала — та, которую удалось реализовать в первую и, очевидно, лучшую пору его существования, — была двоякой. Во-первых, журнал был органом правозащитного движения; в этом качестве он обращался прежде всего к советскому читателю, выступал в защиту преследуемых, информировал о нарушениях прав человека в СССР, о судебных процессах над инакомыслящими, о злоупотреблении психиатрией, о тюрьмах и лагерях. Во-вторых, журнал стремился стать чем-то вроде культурно-интеллектуального моста между Россией и Западной Европой, между русским миром за рубежом и «страной святых чудес», внутри которой этот мир разместился, но от которой в большой мере был отчужден.

Каждый, кто знаком с жизнью русских изгнанников, знает, в чем выражалось это отчуждение. Очутившись за границей, в странах и городах, о которых интеллигенты, отрезанные от мира, страстно мечтали всю свою жизнь, эмиграция в своей подавляющей массе замкнулась в собственном невидимом гетто. Такова была почти неизбежная жизненная коллизия выходцев из большой, наглухо заколоченной страны, которая сама в себе — целый мир. Еще меньше, чем их предшественники — беженцы первых послереволюционных лет, эти люди были приспособлены для жизни в Европе и Америке, в большинстве своем не знали языков и т. д. Если невозможно унести родину на подошвах, то почти неизбежно тащишь за собой чуждость миру и отторгнутость от мира; ее-то и хотелось преодолеть.

Описанной программе отвечала структура «Страны и мира». Номер открывался серией информационных материалов, хроникой событий и статьями о советской политике, экономике, общественной жизни. За ними следовали статьи, освещавшие разные стороны жизни в зарубежных странах. Последняя треть была отведена под культурные материалы — статьи, этюды, небольшие работы русских и иностранных писателей, эссеистов, философов, историков, богословов.

Может быть, стоит упомянуть о том, что, в противоположность известному и, на мой взгляд, постыдному обычаю русских заграничных и отечественных журналов не отвечать отвергнутым авторам, на второй обложке каждого номера стояло уведомление: «Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой». Нечего и говорить о том, что это чувствительно сказывалось на почтовых расходах.

Журнал печатал интервью и беседы с известными людьми, среди которых можно назвать, к примеру, нобелевских лауреатов Иосифа Бродского и Элиаса Канетти,

кинорежиссера Андрея Тарковского, писателей Грэма Грина и Хорхе-Луиса Борхеса, литературного критика Марселя Райх-Раницкого, основателя и главу Еврейского документационного центра в Вене, прославленного охотника за нацистскими преступниками Симона Визенталя. Существовала фоторубрика — тематические подборки фотографий; имелся и архивный отдел. Определенное место отводилось фельетону, юмористическим заметкам, пародиям и карикатурам, а также письмам читателей, рецензиям на новые книги и т. п. Переключку с современностью — эхо веков — читатель журнала мог услышать в украшавших третью обложку классических текстах: это могли быть отрывки из древних авторов, философов Нового времени, русских писателей, классиков Востока, забытые или малоизвестные в России документы античной, европейской и американской политической мысли.

Заслуживают упоминания тематические номера журнала. Вот некоторые из них: «Голый бог» (крушение ленинизма), «От тюрьмы да от сумы» (мир концлагерей), «Америке полтысячи лет», «Церковь в мирском граде», «Необустроенная Россия», «Москва, август 1991», «Непредвиденная Германия», номера, посвященные двухсотлетию Французской революции, сорокалетию антигитлеровского заговора 20 июля, сорокалетию окончания второй мировой войны, христианству и Освенциму, исламу в современном мире.

Круг авторов журнала (писавших непосредственно и специально для нас либо тех, чьи тексты переводились, перепечатывались или компилировались из других изданий) был достаточно широк. В числе других участников с самого начала в «Стране и мире» публиковались — под псевдонимами или открыто — авторы из Советского Союза, по тем временам это было актом немалой смелости. Разумеется, редакция надеялась иметь своим главным адресатом читателя в Советском Союзе. Было создано что-то вроде службы негласного распространения, в разных городах представители журнала вступали в контакты с туристами, моряками, водителями грузовиков и даже членами официальных делегаций.

Среди тех, кто оказал честь журналу своим участием, были видные эссеисты и публицисты нашего поколения — и те, кто покинул страну, и те, кто остался; назовем Григория Померанца, Бориса Парамонова, Леонида Баткина, Майю Каганскую, Анатолия Стреляного, Юрия Афанасьева, Льва Тимофеева, Марка Дейча, Марка Поповского, Германа Андреева, Валерия Чалидзе. Авторами журнала были писатели Владимир Войнович, Юрий Карабчиевский, Марк Харитонов, Фридрих Горенштейн, Даниил Данин, Игорь Ефимов, поэты Иосиф Бродский, Ольга Седакова, Юлий Ким, Юрий Колкер, Лев Друскин, Томас Венцлова, Анатолий Жигулин, Наум Коржавин, критики, литературоведы и культурологи Ефим Эткинд, Евгений Барабанов, Бенедикт Сарнов, Сергей Лёзов, Симон Маркиш, Станислав Рассадин, на страницах журнала выступил выдающийся переводчик немецкой и античной литературы Соломон Апт.

Мы называем лишь немногих. Впервые в «Стране и мире» появились произведения доселе никогда не публиковавшихся на русском языке авторов, в том числе таких, как Карл Поппер, Манес Шпербер, Ханна Арендт, Голо Манн, Элиас Канетти, Артур Кёстлер, Октавио Пас, Исая Берлин, Салман Рушди, впервые был напечатан по-русски «Брат Гитлер» — один из самых спорных и двойственных эссеистических

текстов Томаса Манна. Среди других известных на Западе имен, с которыми журнал познакомил русских читателей, были немецкие историки Эрнст Нольте, Себастьян Гафнер, Йоахим Фест, Михаэль Штюмер, Леонид Люкс, философ и семиотик Вилем Флуссер, экс-канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Шмидт, бывший сподвижник Тито Милован Джилас, итальянский публицист Луиджи Бардзини, поляки Лешек Колаковский и Тереза Тораньска, американцы Джеймс Биллингтон, Гаррисон Солсбери, Ричард Пайпс, Френсис Фукуяма, астрофизик Фан Лижи, прозванный китайским Сахаровым. Журнал печатал Генриха Бёлля и Фридриха Дюрренматта. Были опубликованы не известные в то время в России дневники Леонида Андреева, статьи Владислава Ходасевича и Евгения Замятина, мемуары Федора Степуна, письма Бориса Пастернака. Была переведена и полностью напечатана энциклика папы Иоанна Павла II «*Dominum et vivificantem*» — едва ли не единственный документ этого рода на русском языке; опубликована знаменитая речь федерального президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера по случаю 40-летия конца войны. Журнал поместил работы основателя «политической теологии» Йоганна Баптиста Меца и идеолога «гражданской религии» Роберта Белла, публиковал тексты о Сергия Желудкова. В журнале увидели свет записки генерала Бур-Коморовского о восстании в Варшаве и отрывки из автобиографической книги замученного Анатолия Марченко. Журнал был единственным в те годы органом печати на русском языке, поместившим подробные отчеты о том, что случилось в Чернобыле...

IV

Кризис обозначился вскоре после начала революционных преобразований в СССР. В известной мере он был отражением общего кризиса антикоммунистической эмиграции. То, чем жили, ради чего пожертвовали своим благополучием все эти люди — бывшие узники совести и диссиденты левого и правого толка, западники и националисты, демократы и неославянофилы, русские и евреи, — разоблачение окончательно изжившей себя советской власти, — стало терять смысл. События на родине быстро обогнали все, что могла сказать по этому поводу русская зарубежная печать. Выяснилось, что эмиграция была прикована к своему недругу, как каторжник к тачке. Со смертью врага эмиграция осиротела.

Возвращаясь к журналу «Страна и мир», можно сказать, что для него это был кризис самоидентификации. Если вначале двойственность его программы могла выглядеть как преимущество, ибо предполагалось, что она обеспечит журналу необходимую широту, интеллигентность и надпартийность, то теперь она расколола журнал. «Страна» — и «мир». Россия — и русское рассеяние за рубежом. Политика — и культура. Злоба дня, политическая активность и политически ангажированное мышление — и то, что называется трудноопределимым словом «дух». Выяснилось, что это малосовместимые вещи. И две головы, обращенные в разные стороны, повернулись, готовые клюнуть друг друга.

Разница идейных ориентаций и просто разница вкусов подготовили внутриредакционный раскол. В конечном счете речь шла о том, чем должен быть журнал,

точнее, чем он должен был стать теперь, когда в России совершились неслыханные перемены. Отношение большинства журналов и газет эмиграции к этим переменам было настороженным, считалось, что провозглашенная Горбачевым перестройка — всего лишь дымовая завеса, очередная затея КГБ. Журнал, о котором мы рассказываем, был чуть ли не единственным русским печатным органом за границей, который принял перестройку всерьез. Тем не менее соблазн непосредственно участвовать в событиях, вырваться из эмигрантского обособления, вернуться хотя бы в переносном смысле — а там, кто знает, может быть, и физически — из изгнания и стать снова «своим среди своих», — предстал перед многими; его не избежала и часть редакции «Страны и мира». Результатом была утрата того, что и в глазах отечественного читателя составляло преимущество зарубежного журнала, что придавало ему привкус экзотики: утрата оригинальности. В самом деле, «своих» хватало и там.

Отказ от дистанции привел к потере самостоятельности; концепция журнала как суверенного организма была вытеснена представлением о журнале как об инструменте политической борьбы. Журнал стал злободневным и партийным; его столбцы затопили материалы отечественного производства и невысокого качества, которые сделали его неотличимым от многочисленных изданий этого типа на родине. На внезапно открывшемся, долгожданном читательском рынке журнал стал неконкурентоспособен.

Конец «Страны и мира» обозначил конец определенной эпохи — конец антиталитарной, одинокой и гордой своим одиночеством эмиграции. Нужно было решать: вернуться на родину (что и сделал один из двух основателей журнала К. Любарский) или остаться на Западе, но уже в новом качестве. Журнал изжил себя — либо должен был найти новую идентификацию. Для этого нужны были другие люди и, разумеется, другие источники финансирования. Ни того, ни другого не нашлось.

V

И все же, окидывая взглядом шестьдесят девять номеров «Страны и мира» (журнал закрылся летом 1992 г. в связи с прекращением субсидий), приходишь к не столь однозначной оценке его истории. Причины, почему журнал утратил свой прежний облик и не обрел нового, были сложнее и, конечно, не сводились к чисто политическим обстоятельствам. Журналы, как и вина, со временем прокисают. Восемь с половиной лет — достаточно долгий срок для того, чтобы журнал, притязавший на общественную роль и культурное влияние, мог устареть; состарились и его участники.

Сумел бы он воспрянуть, если бы одержала верх альтернативная концепция, если бы журнал остался тем, чем он был вначале: широкопрофильным, культурным, независимым общественно-политическим и экономическим органом эмиграции? Едва ли. Обе части его программы предопределили его неудачу. Надежды и ожидания, чувство братства на корабле и то необычайное воодушевление, с каким мы нача-

ли наше дело, счастье обретения свободной речи, о котором не имели представления те, кто остался «со своим народом», — все это в конце концов потерпело крах, и рассказать в двух словах, отчего это случилось, не так-то просто.

Мореходы надеялись услышать сколько-нибудь внятное эхо с родных берегов. Где-то там, мечталось им, оставшиеся друзья повторяют строчки Бёрнса—Маршака: «За тех, кто далёко, мы пьем, за тех, кого нет за столом. За Чарли, что ныне живет на чужбине...» На самом деле люди, сидевшие за столом, жили собственной трудной жизнью, которая безнадежно отдалила их от уехавших, да, пожалуй, и от всего внешнего мира. Немногие экземпляры журнала, которые с великими трудами удалось перебросить через бугор, проваливались, как в пропасть, без звука и следа. Даже во времена, когда журнал добился известного престижа, не могло быть речи о сколько-нибудь серьезном влиянии на умы в стране.

Не лучше, по-видимому, были и результаты в эмиграции. Намерение воздвигнуть культурный мост между русским и остальным миром оказалось иллюзией по той же причине, почему вообще остается, по крайней мере в наши дни, иллюзией и мифом пресловутая всемирная отзывчивость россиян, о которой грезил Достоевский. Какая уж там отзывчивость! Европеизм остался невостребованным. Подавляющая часть новых и неизвестных текстов, помещенных в журнале, все эти славные имена, которые перечислены выше, не привлекли к себе, судя по всему, никакого внимания. Все оказалось ненужным и неинтересным. Однако — и пусть это послужит утешением для всех, кто захотел бы повторить наш опыт, — не зря сказано: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать».